

БЛОКОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ-100

БЛОК и ЕСЕНИН

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
Н. ЛИВКИНА:

«Однажды, поздно вечером, мы шли втроем — я, поэт Николай Колоколов и Есенин — после очередной «субботы». Есенин возбужденно говорил:

— Нет! Здесь в Москве ничего не добьешься. Надо ехать в Петроград. Ну что! Все письмо со стихами возвращают. Ничего не печатают. Нет, надо самому... Под лежачий камень вода не течет. Славу надо брать за рога...

Поеду в Петроград, пойду к Блоку. Он меня поймет...

Мы расстались. А на следующий день он уехал. И все вышло так, как он говорил... Блок, а затем Городецкий³ оценили его стихи с первой встречи, помогли «встать на ноги».

С. ЕСЕНИН:

«В это время у меня была написана книга стихов «Радуница». Я послал из них некоторые в петербургские журналы и, не получая ответа, поехал туда сам».

Прямо с вокзала Есенин пошел к Блоку и, не застав его дома, оставил записку:

«Александр Александрович! Я хотел бы поговорить с Вами. Дело для меня очень важное. Вы меня не знаете, а может быть, где и встречали по журналам мою фамилию. Хотел бы прийти к вам в 4.

С почтением С. Есенин».

Блок принял молодого поэта и отменил в записной книжке:

«9 марта. Перемыслил сдался. — Усталость. — Днем у меня рязанский парень со стихами».

На есенинской записке он дописал:

«Крестьянин Рязанской губ., 19 лет. Стихи свежие, чистые, голосистые, многословные. Язык. Приходил ко мне 9 марта».

В этот день Блок на авантитуле одного из томов музсагетовского собрания стихов сделал дарственную надпись:

«Сергею Александровичу Есенину на добрую память. Александр Блок, 9 марта 1915. Петроград».

С. ЕСЕНИН:

«Первый, кого я увидел, был Блок, второй — Городецкий. Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
М. МУРАШЕВА:

«Из автобиографии Сергея Есенина известно, что первый, к кому он пришел в Петербурге, был Александр Александрович Блок, который и направил его к Сергею Городецкому и ко мне. Я в то время близко стоял к некоторым редакциям журналов.

Вот что писал мне А. Блок: «Дорогой Михаил Павлович! Направляю к Вам талантливое крестьянского поэта-самоходка. Вам, как крестьянскому писателю, он будет ближе, и Вы лучше, чем кто-либо, поймете его».

Ваш А. Блок

Р. С. Отобрал 6 стихотворений и направил к ним: С. М. (Городецкому. — М. М.). Посмотрите и сделайте все, что возможно. — А. Б.»

Блок и Есенин, Есенин и Блок — эти два имени стоят рядом в истории русской литературы. Великие поэты пронесли любовь к Родине — любовь «до радости и боли» — через все свое творчество, через свои жизни.

«Русь моя, жизнь моя...» — говорил Александр Блок. И Сергей Есенин не мыслил своей жизни без Руси, без своей Родины-милый.

Их встреча произошла в марте 1915 года. Блок был уже признанным мастером, у которого вышло несколько поэтических сборников, а первая книжка увидела свет в предгрозовые дни памятного 1905 года. У Есенина же всего год назад в январской книжке журнала «Мирок» было напечатано первое стихотворение «Берега», а первая книжка выйдет только через год. Тогда же оба поэта встретятся на страницах сборника «Пряник осиротевшим детям». В нем будут напечатаны семь стихотворений известного поэта Александра Блока и два стихотворения молодого Сергея Есенина. Примечательно и то, что они встретились на страницах именно этого сборника, деньги от продажи которого шли на помощь обездоленным детям России.

Были еще встречи. Есенин до конца своей жизни сохранил к Блоку самые добрые чувства. Об этом говорил и сам Есенин, и те, кто хорошо знал поэтов. Им и предоставим слово. Предлагаем выдержки из воспоминаний, дневников и записей самих поэтов и их современников-литераторов. Все они, кроме воспоминаний поэта В. Пяста, были в разное время опубликованы. Некоторые публиковались всего лишь однажды и более пятидесяти лет назад. Воспоминания же о Есенине друга Блока — В. Пяста хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства.

В те первые дни своего пребывания в Петрограде Есенин встретился и с поэтом Всеволодом Рождественским. Однажды Есенин читал ему свои стихи.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
Вс. РОЖДЕСТВЕНСКОГО:

«Хочешь, свои прочитаю? — спросил мой спутник (он сразу же стал говорить мне «ты», и это, видимо, было его привычной манерой). — Неужели таких стихов они печатают не будут? Нет, шалишь, напечатать. Это ведь о России. В самую сердцевинку сейчас — на второй-то год войны».

И он начал читать — сначала тихо, а потом со все большим и большим воодушевлением:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

Стихи, действительно, были необычайно свежими, живыми. Но я все же не удержался от критического глубокомыслия:

— Хорошо-то, хорошо, но уж очень иконописно. «Рать святая», «рай»... Ладаном пахнет.

— А что, это плохо?

— Как кому. Вот у Блока — тоже о России, но совсем иначе — мужественнее, проще.

— Да ведь то Блок! Он перадо мною — игумен. Не удивляйся «божественным» сравнениям — меня в церковно-приходской школе грамота учили. Он игумен, а я кто? Послушник, да и то расстрига».

«22 апреля 1915.

Дорогой Сергей Александрович. Сейчас очень большая во мне усталость и дела много. Потому думаю, что пока не стоит нам с Вами видеться, ничего существенно нового друг другу не скажем.

Вам желаю от души, остаться живым и здоровым.

Трудно загадывать вперед, и мне даже думать о Вашем труд-

знаю, как трудно ходить, чтобы ветер не унес и чтобы болото не затащило.

Будьте здоровы, жму руку. Александр Блок».

По возвращении в Петроград осенью 1915 года Есенин продолжал встречаться с Блоком.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
В. ЧЕРНЯВСКОГО:

«...Блока нельзя было увидеть на рядовых литературных сборниках, и во внешней жизни Есенин от него почти не зависел, но изредка, по невольному влечению, приходил навещать его и поговорить с ним...»

То, что было в Блоке похоже на холод и сухость, его неизменная и, может быть, углубившаяся «от дней войны, от дней свободы»¹ замкнутость, всегда несколько отшатавали и уводили от него Есенина. Не мне одному приходилось замечать в нем и слышать в его словах нечто подобное отращиванию к педантизму и европейской выдержанности Блока. Но инстинкт заставлял Сергея не терять его из виду. К Блоку «только сначала подойти трудно», говорил он после этих встреч. Преодолевая наплывающее на него чувство отчуждения, он вновь начинал видеть в Блоке родного ему поэта, первого, к кому он пришел, и пришел не случайно.

В памяти моей осталось, как на одном из вечеров (появление на них Блока, как я сказал, было редкостью) неподвижное и несколько надменное лицо поэта вдруг прояснилось самой ребяческой улыбкой, когда на эстраде появился Сергей. Из своего одиночества Блок лучше, чем кто-либо, предупреждал об опустошающей опасности хождения по буржуазным салонам и излишнего общения с литературными дегенератами, советуя ему хранить себя и углубленно работать. И помню, как Сергей, сам не забывавший — в разгаре и сумбуре рассевающихся вечеров — о работе над собой и своими стихами, наставительно и серьезно уговаривал одного из приятелей готовиться к экзаменам, говоря ему: «Ну, записывай хоть на время от баб. Ты сиди, сиди, как Блок сидит...»

О конечной судьбе этих неуточивых, как многие в жизни Сергея, отношений свидетельствует фраза из письма его ко мне, написанного из Тифлиса за год до смерти:

«Если бы у меня не было... Клюева, Блока... что бы у меня осталось? Хрен да трубка, как у турецкого святого».

На одной из встреч на квартире М. Мурашева, увидев картину Яна Стюки «Пожар Рима» и услышав разговор М. Глинки «Сомнения», Есенин записал в альбоме хозяина:

«Сергей Есенин.

16 г. 3 июля».

Слушай, поганое сердце,
Сердце собачье мое.
Я на тебя, как на вора,
Спрятал в рукав лезвие.

Рано ли, поздно всажу я
В ребра холодную сталь.

Нет, не могу я стремиться
В вечную сенившую даль.

Пусть поглупее болтают,
Что их загрызла метя;

Если и есть что на свете —
Это одна пустота.

Прим. Влияние «Сомнения» Глинки и рисунка «Черон, поджигавший Рим». С. Е.»

Через 10 дней Мурашев показал альбом с этой записью А. Блоку.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
М. МУРАШЕВА:

«Блок медленно читал это стихотворение, очевидно и не раз, а затем покачал головой, подождал к себе Сергея и спросил:

— Сергей Александрович, вы серьезно это написали или под впечатлением музыки?

— Серьезно, — чуть слышно ответил Есенин.

— Тогда я вам отвечу, — вкрадчиво сказал Блок.

На другой странице этого же альбома Александр Александрович написал ответ Есенину — отрывок из поэмы «Возмездие», над которой в то время работал и которая еще нигде не была напечатана.

ИЗ ПОЭМЫ
«ВОЗМЕЗДИЕ»

Жизнь — без начала и конца.

Нас всех подстерегает случай.

Над нами — сумрак неминуемый.

Иль ясность божьего лица.

Но ты, художник, твердо веруй

В начала и концы. Ты знай,

Где стерегут нас ад и рай.

Тебе дано, бесстрастной мерой

Измерить все, что видишь ты.

Твой взгляд — да будет тверд и ясен.

Сотри случайные черты —

И ты увидишь: мир прекрасен.

Александр Блок.

13. VII. 1916»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
М. МУРАШЕВА:

«Раз как-то зашел ко мне Александр Александрович Блок и принес два стихотворения для сборника (в то время я готовил для одного издательства литературный альманах). Затем мы вместе ушли. Без меня пришел Есенин. На столе нашел стихи Блока, прочел и написал записку, а внизу приписал:

«Ой, ой, какое чудное стихотворение Блока! Знаешь, оно как бы светит мне!»

Есенин очень любил стихи Блока и часто читал их на память».

После Октябрьской революции встречи поэтов продолжались.

А. БЛОК:

«3 января... Весь вечер у меня Есенин».

Есенин в этот день читал Блоку, вероятно, только что написанные поэмы «Иония», «Преображение» и стихотворение «О Русь, взмахни крыльями...».

А. БЛОК.

ДНЕВНИК 1918 ГОДА:

«14 января 1918 г. Происходит совершенно необыкновенная вещь (как всё): интеллигентные, люди, проповедовавшие революцию, «пророки революции», оказались ее предателями. Труссы, натравители, прихлебатели буржуазной сволочи».

«ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ. 1918 ГОД:

«22 января... Звонил Есенин, рассказывал о вчерашнем туре России» в Тенишевском зале. Газетти и толпа кричали по адресу его, А. Белого и моему: «изменники». Не подают руки, Кадеты и Мережковские злятся на меня — страшно. Статья «искренняя, но «клязьма» просит... Господа, вы никогда не знали России и никогда ее не любил! Правда глаза колет».

С. ЕСЕНИН:

«Когда-то я мальчиком, проезжая Петербург, зашел к Блоку. Мы говорили очень много о стихах, но Блок мне тут же заметил, вероятно по указанию Иванова-Разумника: «Не верь ты этой бабе (Гиппиус. — Ю. Ю.)... по-моему, она низкопробная дура». Это были слова Блока.

Скульптурный эскиз заслуженного художника РСФСР Анатолия БИЧУКОВА «Александр Блок и Сергей Есенин» напоминает о тех днях, когда два великих поэта встречались в Петрограде и младший, Сергей Есенин, с волнением показывал свои стихи старшему, Александру Блоку.

После слов Блока, к которому я приехал, впервые я стал относиться и к Мережковскому, и к Гиппиусу — подозрительно... — Что такое Мережковский? — Во всяком случае, не Франс. — Что такое Гиппиус? — Бездарная завистливая потатесса».

В начале 1918 года Блок и Есенин принимали участие в работе редакций газеты «Знамя Труда» и журнала «Наш Путь», в которых печатались их произведения. В своих «Записных книжках» Блок отмечал:

«30 января. В редакции «Знамени Труда» (материалы для первой книжки «Нашего Пути»). Иванов-Разумник, Есенин, Чапыгин...»

3 марта 1918 года в «Знамени Труда» была напечатана поэма Александра Блока «Двенадцать». В Институте русской литературы хранится вырезка из этой газеты с авторской правкой. В двестишести «Не слышно шума городского», над старой башней тишина» слово «старой» зачеркнуто и вместо него написано «Невской» — с пометкой: «По совету С. Есенина».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
П. КУЗЬКО:

«В конце февраля 1918 года мы были с Есениным на вечере в зале Технологического института, на котором выступал А. А. Блок.

Блок был восторженно встречен многочисленной аудиторией. Он читал любимые публикой — «Незнакомку», «На железной дороге», «Прошли года», «Соловьиный сад», «В ресторане». Во время чтения Блок стоял, слегка прислонившись к колонне, с высоко поднятой головой, в военном френче.

Читал он спокойным голосом, выразительно, но без всяких выкриков отдельных слов. Он был бледен и, по-видимому, утомлен. Сидевший рядом со мной в одном из первых рядов Есенин любовно поглядывал на Блока, иногда пылливо поглядывая на меня, желая узнать мое впечатление. Один раз он не выдержал и шепнул мне на ухо: — Хорош Блок!»

Известны литературные частушки Сергея Есенина, которые начинались словами о Блоке:

Я сидела на песке
У моря высокова.
Нет, лучше из стихов
Александра Блокова.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
Е. ШАРОВА:

«Мне хорошо запомнился разговор с Есениным о Блоке. Правда, может быть, память не сохранила всех деталей, но суть я неплохо запомнил.

Есенин сказал:

— Вот это действительно поэт... А какой ум, какая образованность... Знаешь, я даже вспотел и у меня дрожали поджилки, когда я с ним разговаривал... Вот бы мне его учеником... — Так в чем же дело, Сергей? Учиться надо. Поступай в университет. Ведь тебе только двадцать два года. У тебя впереди — целая жизнь, — сказал я. — Нет, брат, такая ученость, я думаю, передается по наследству... Ты знаешь, кто у Блока были деды и отцы? Сплошная академия... А у меня — мать расписывается не умела».

В 1918 году Есенин подарил Блоку свою третью книгу стихов «Преображение» с дарственной надписью:

«Дорогому Александру Александровичу с любовью и почтением. Сергей Есенин».

С. ЕСЕНИН:

«Из поэтов-современников нравились мне больше всего Блок, Белый и Клюев. Белый дал мне много в смысле формы, а Блок и Клюев научили меня лиричности».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
И. ГРУЗИНОВА:

«Есенин, обращаясь к начинающему поэту, рассказывает, как Александр Блок учил его писать лирические стихи.

— Иногда важно, чтобы молодому поэту более опытный поэт показал, как нужно писать стихи. Вот меня, например, учил писать лирические стихи Блок, когда я с ним познакомился в Петербурге и читал ему свои ранние стихи.

Лирическое стихотворение не должно быть чересчур длинным, — говорил мне Блок.

Идеальная мера лирического стихотворения — двадцать строк. Если стихотворение начинающего поэта будет очень длинным, длиннее двадцати строк, оно, безусловно, потеряет лирическую напряженность, оно станет бледным и водянистым. Учись быть кратким!»

Вскоре после возвращения в Москву из поездки по Европе и Америке Есенин принял участие в литературном «четверге» Дома ученых на Пречистенке. Перед чтением своих стихов он сказал слово о Блоке,

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
В. ПЯСТА:

«Не стихи Есенина, вообще, запечатлелись в моей памяти ярче всего из этого вечера, нет — а его импровизированная речь, с которой он неожиданно обратился к ученой (в большинстве) публике.

Речь вот такая, настолько же неожиданная, насколько приятно прозвучавшая моему уху. Речь — о Блоке.

— Блок, — говорил молодой поэт; предводитель послефутуристических бунтарей, — к которому приходил я в Петербурге, когда начинал свои выступления со стихами (в печати), — для меня, для Есенина, был и остался, покойный, — главным и старшим, наиболее дорогим и высоким, что только есть на свете...

Разве можно относиться к памяти Блока без благоговения? Я, Есенин, так относясь к ней — с благоговением...»

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
Ю. ЛИБЕДИНСКОГО:

«...Блока почитал он как учителя своего — и об этом говорил не раз. Множество стихов Блока он знал наизусть и произносил их в своей особой манере, отчетливо и поэтически».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
М. РОЙЗМАНА:

«Вспоминая, как он сравнивал себя с Блоком:

— Я, как Блок: ярко пою и быстро горю!»

ИЗ СТАТЬИ Н. АСЕЕВА:
«ПОКОЛЕНИЕ БЛОКА»:

«...И Анна Ахматова, и Сергей Есенин не были бы без Блока такими, какими они сложились и отделились. Свобода его дыхания дала им опыт и возможности, не бывшие до него».

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ливин Николай Николаевич (1894 — 1974), поэт, сотрудник журнала «Млечный путь». Автор воспоминаний о Есенине «В «Млечном пути»». Опубликованы в книге «Воспоминания о Сергее Есенине».

2. Суббота — литературные «субботы» в редакции журнала «Млечный путь».

3. Городецкий Сергей Митрофанович (1884 — 1967), поэт. Автор воспоминаний о С. Есенине и А. Блоке.

4. Мурашев Михаил Павлович (1884 — 1958), писатель. Автор воспоминаний о С. Есенине и А. Блоке.

5. Рождественский Всеволод Александрович (1895 — 1977), поэт. Автор воспоминаний о Есенине и Блоке, опубликованных в книге «Страницы жизни».

6. Чернявский Владимир Степанович (1889 — 1948), поэт, артист. Автор воспоминаний о Есенине «Три эпохи встреч», хранящихся в Государственном литературном музее. Частично они опубликованы в книге «Воспоминания о Сергее Есенине».

7. Из стихотворения А. Блока «Рожденные в года глухие...».

8. Кузько Петр Адвеевич (1884 — 1968), литератор, советский работник. Автор одной из первых статей о творчестве С. Есенина «О поэтах из народа. Сергей Есенин», опубликованной 29. XI. 1915 года в газете «Кубанская мысль». Им написаны воспоминания о Есенине «Есенин, каким я его знал», напечатанные в книге «Воспоминания о Сергее Есенине».

9. Шаров Ефим Ефимович (1891 — 1972), поэт, журналист. Автор воспоминаний о Есенине, опубликованных в журнале «Дон», № 1, 1971.

10. Грузинов Иван Васильевич (1893 — 1942), поэт, участник группы имажинистов. Автор книги «Есенин разговаривает о литературе и искусстве».

11. В. Паст (Владимир Алексеевич Пестовский) (1888 — 1940), поэт. Автор незавершенных воспоминаний о С. Есенине.

12. Либединский Юрий Николаевич (1898 — 1959), писатель. Автор воспоминаний «Мои встречи с Есениным», опубликованных в книге «Воспоминания о Сергее Есенине».

13. Ройзман Матвей Давидович (1896 — 1973), писатель, участник группы имажинистов. Автор книги «Воспоминаний о Есенине».

14. Асеев Николай Николаевич (1889 — 1963), поэт. Автор статей о С. Есенине и А. Блоке.

Публикация и примечания Юрия ЮШКИНА